

Т.Л. Воробьева

СИНТЕЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ К.А. КОРОВИНА («ШАЛЯПИН. ВСТРЕЧИ И СОВМЕСТНАЯ ЖИЗНЬ»)

Аннотация. *Мемуаристика в силу синкретичности своей художественной природы стала ведущим направлением в литературе первой волны эмиграции. Проза К.А. Коровина – яркий пример органичного синтеза документализма и художественности в мемуарном тексте. Обращение к воспоминаниям о Шаляпине обусловлено не только ностальгической ретроспективностью автора, но и его стремлением к выстраиванию своей художественной модели действительности, к воссозданию концепции творчества и образа творца, в полной мере воплотившего близкую самому мемуаристу русскую стихийную натуру.*

Ключевые слова: *мемуарный текст, концепция творчества, импрессионистическая манера письма.*

Жанровая парадигма мемуарной прозы в силу синкретичности своей художественной природы стала ведущим направлением в литературе первой волны русской эмиграции, оказавшись в центре пересечения многих историко-философских, нравственно-эстетических проблем времени. Ситуация эмиграции сделала мемуаристику фактом самосознания русской диаспоры, обусловив обращение к ней не только профессиональных писателей, но и других творческих деятелей, в частности художников-эмигрантов, попытавшихся выразить в слове свое представление о мире, которое они традиционно воплощали с помощью кисти.

В замечательной плеяде живописцев этого периода, обладавших ярким литературным талантом, выделяется К.А. Коровин, который в годы эмиграции за 10 лет опубликовал в парижской прессе более 360 рассказов и мемуарных очерков, автобиографию «Моя жизнь», книгу о Ф.И. Шаляпине, воспоминания о художниках-современниках, деятелях искусства и литературы. Автодокументальная форма повествования придавала текстам художника

большую убедительность, автор стремился быть максимально правдивым, опираясь на подлинные факты. «Слово – величайший дар, и обращаться с ним нужно честно», – писал К.А. Коровин [1]. Составители и комментаторы первого издания его литературного наследия известные искусствоведы И.С. Зильберштейн и В.А. Самков высоко оценили документализм мемуарных текстов художника. «Изучение фактов, о которых повествует Коровин, а также работа над комментариями дали возможность убедиться в высокой достоверности его воспоминаний. Такое достоинство придает мемуарным запискам Константина Алексеевича большой познавательный интерес и выдвигает их на одно из первых мест в нашей мемуарной литературе о художественной жизни России тех десятилетий» [2. С. 15]. Но при этом установка на подлинность, присущая мемуарной прозе, не отменяла фикциональных возможностей словесного творчества художника, который, опираясь на фактический материал, выстраивал в тексте авторскую художественную модель действительности, свою концепцию творчества и образа творца. В Париже рубежа 1920–1930-х гг. на вопрос журналистов, как он стал писателем, Коровин с юмором отвечал, что писал «на яичницу» (литературный заработок стал основным в эти годы для художника, который из-за болезни не мог стоять за мольбертом) и добавлял: «Закрывая глаза, я видел Россию, ее дивную природу, людей русских, любимых мною друзей, чудаков, добрых и так себе – со всячинкой, которых любил, из которых “иных уж нет, а те далече”». И они ожили в моем воображении, и мне захотелось рассказать о них» [3. С. 8].

Не принимая «скучной условной литературщины», К.А. Коровин писал «по наитию» о том, на что отзывалась его душа: «Пишу от любви к людям, не идейно, не поучая никого, а как художник» [4. С. 10]. Характерно, что художник обошел вниманием рубежный 1917 г., зато всеми мыслями был устремлен к утраченной России: дореволюционному быту и нравам старой Москвы, судьбам своих замечательных современников – Чехова, Левитана, Врубеля, Мамонтова, Серова и, конечно, близкого друга, выдающегося русского певца Ф.И. Шаляпина, с которым его связывала почти соро-

калетняя дружба. Таким образом, революционному хаосу и эмигрантскому бездому в мемуарных произведениях К.А. Коровина противопоставлены те вечные, неизменные ценности, которые составляли внутренний стержень его жизни и творчества: Россия, искусство и природа.

Мемуарная проза К.А. Коровина произросла из речевого жанра: современники вспоминали о художнике как о непревзойденном рассказчике, по-актерски разыгрывавшем в лицах своих героев. Так, Александр Бенуа делился своими впечатлениями от восприятия его устных импровизаций: «У Коровина быль и небылица сплетались в чудесную неразрывную ткань, и его слушатели поддавались какому-то гипнозу. К тому же память его была такой неисчерпаемой сокровищницей всяких впечатлений, диалогов, пейзажей, настроений, коллизий и юмористических деталей, и все это было в передаче отмечено такой убедительностью, что и неважно было, существовали ли на самом деле те люди, о которых он говорил, бывал ли он в тех местностях, в которых происходили всякие интересные перипетии, говорились ли эти с удивительной подробностью передаваемые речи – все это покрывалось каким-то наваждением и оставалось только слушать да слушать» [5. С. 696].

Это удивительное мастерство словесной импровизации в период эмиграции отлилось в совершенную мемуарную форму текстов, явивших читателю не только уникальный пример двойного дарования живописца и писателя Коровина, но и портрет человека «с душой нараспашку» [Там же], отличавшегося редким постоянством в своих убеждениях и идеалах. Излагая задачи искусства, художник, приверженец эстетических воззрений мирискусников, писал: «Моей главной, единственной, непрестанно преследуемой целью в искусстве всегда служила красота, эстетическое воздействие на зрителя, очарование красками и формами. Никогда никому никакие поучения, никогда никакие тенденции, никакого протоколизма <...> Художник дарит зрителя только прекрасным» [1]. Такая творческая установка определила не только новаторство импрессионистической живописи К.А. Коровина, но и художественное своеобразие его мемуарных текстов, в которых на основании

эстетического переживания действительности конструируется новая реальность, осмысливается вечная тайна творчества, сложные отношения художника с окружающим миром, фиксируются разные лики красоты, представленные в сильных, ярких страстях русской неудержимой натуры, в пронзительном лиризме российской природы, в очаровании искусством – музыкой, театром, живописью, литературой.

В полной мере такая проблематика присуща воспоминаниям о лучшем друге художника Ф.И. Шаляпине, написанным после смерти певца в 1938 г. Для Коровина потеря своего давнего приятеля, последнего «могиканина» русской культуры из ближайшего окружения художника, связывающего его с прошлым, с любимой Россией, была сокрушительным ударом. И художник за год до своей смерти создает книгу воспоминаний, дав ей емкое, концептуальное название «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь». Мемуарист изначально акцентирует ситуацию встречи, диалога, основанного на близости собеседников, которые понимали друг друга с полуслова, их роднила творческая стихия искусства и прожитая «общая» жизнь.

В первую очередь Коровина с Шаляпиным объединяла музыка. Впечатления, пережитые художником в детстве, воспоминания о деде, который плакал, слушая Баха, определили удивительную музыкальную чуткость и отзывчивость автора мемуаров, которого сам Шаляпин называл «Паганини в живописи». Коровина привлекала «русскость» натуры великого артиста, чуждого мукам творчества, выверенности и отшлифованности творческих усилий, что наиболее полно отвечало авторскому идеалу гения-творца. «Я не видел Шаляпина, чтобы он когда-либо читал или учил роль. И все же – он все знал, и никто так серьезно не относился к исполнению и музыке, как он. В этом была для меня какая-то неразгаданная тайна» [6. С. 27].

Такой артистизм натуры великого певца удивительным образом коррелировал с непредсказуемостью и импровизационностью природного дара самого художника. Коровин, работая над оперными декорациями и костюмами, создавал яркие и живописные образы,

которые запечатлевал впоследствии великий артист, доверявший таланту своего друга-художника и многое заимствовавший у него в творчестве. Пытаясь объяснить характер своего отношения к музыке, Шаляпин искренне заявлял: «Никакой тут тайны нет. Хотя, пожалуй, некоторая и есть: нужно любить и верить в то, что делаешь. В то нечто, что и есть искусство... петь надо любя, как художник – по наитию. В сущности, объяснить точно, отчего у меня выходит как-то по-другому, чем у всех, я не могу. Артиста сделать нельзя – он сам делается» [6. С. 172]. Удивительный дар перевоплощения проявился в его способности мгновенно, органически, на интуитивном уровне входить в сценический образ («Шаляпина не было на сцене, был оживший Грозный») [Там же. С. 36]. Эта всепобеждающая сила таланта преодолевала все обыденные преграды на пути его искусства: «Не было дома в Москве, где бы не говорили о Шаляпине. Ему приписывали самые невероятные скандалы, которых не было, и выставляли в неприглядном свете. Но стоило ему показаться на сцене – он побеждал. Восторгу и вызовам не было конца... В чем была тайна шаляпинского обаяния? Соединение музыкальности, искусства пения с чудесным постижением творимого образа» [Там же. С. 111–112]. За кажущейся легкостью исполнения скрывались нелегкий труд, творческие мучения и поиски. По мысли К.А. Коровина, искусство есть отражение души творца, поэтому так важно для него раскрыть национальные, народные истоки безмерной, противоречивой русской натуры певца, контрастно соединившей размах, широту и вспыльчивость, самовластность, а подчас и мелочность в быту.

В предварение своей книги автор пишет: «В моих воспоминаниях о Ф.И. Шаляпине я лишь вскользь касаюсь его художественного творчества. Я хотел только рассказать о моих встречах с Ф.И. Шаляпиным в течение многих лет – воссоздать его живой облик таким, каким он являлся мне...» [Там же. С. 12]. Заданная в начале текста установка на подлинность реализуется в создании образа, предстающего в контрастности своих жизненных проявлений: в безудержной, страстной любви к своей малой родине («Люблю Волгу. Народ другой на Волге. Не сквалыжники. Везде

как-то жизнь для денег, а на Волге деньги для жизни» [6. С. 27]), в удивительном проникновении в тайну старинной народной песни, оцененном простыми крестьянами («А видать ведь, Кистинтин Ликсеич, что душа у него русская. Вот с Никоном Осипычем – мельником – как выпили они, и “Лучину” пели. Я слушал, не утерпеть – слеза прошибает... А гляжу – и он сам поет и плачет...» [Там же. С. 88]), в эгоизме и неблагодарности по отношению к С.И. Мамонтову, который помогал Шаляпину утвердиться на столичной сцене, в удивительной «маниловщине», когда герой мемуаров в Крыму задумал купить пустынные скалы Одалары, выстроить там дом и прорыть под проливом туннель на берег или мечтал у себя в парижском доме возвести русскую баню. Стихийность русской природы певца проявлялась в его отношениях с окружающими: «Шаляпин любил ссориться, издеваться над людьми, завидовал богатству – страсти стихийно владели его послушной душой» [Там же. С. 105].

Шаляпин не был охотником и рыбаком, как сам автор-мемуарист, но азартно втягивался в эти деревенские занятия, правда, и здесь высказывая свойственные ему нетерпение и горячность, поэтому мужики-егеря, зная пылкий нрав Федора Ивановича, предусмотрительно заряжали его ружье холостыми патронами. Однако, выделяя в облике своего друга свойства чисто русской неуправляемой природы, автор мемуаров при этом искренне поражается ему как удивительному по совершенству творению природы, наделенному богатырским сложением, жизнелюбием, склонностью к озорству, розыгрышам, веселью, даже какой-то разбойничьей удалью. Не случайно все живописные портреты художника передают облик Шаляпина в быту, в летней атмосфере, наполненной солнцем и ярким светом. Коровин называл Шаляпина «солнечным озарением в театре» [Там же. С. 200], «чудо-артистом» [Там же. С. 171], подчеркивая естественность и органичность его уникального природного дара. В глубине интуитивного прозрения, торжестве веселья и неумной энергии, природной стихийности, характеризующей Шаляпина в жизни и творчестве, К.А. Коровин угадывает близкое ему «дионисийское» начало, таинственной

сущностью которого является «единство с внутренней первоосновой мира» [7. С. 228].

Воспоминания К.А. Коровина высвечивают необычайный масштаб и трагичность «могучей фигуры» величайшего русского певца, одержимого творчеством. «Его влекли все области искусства. Он не мог видеть карандаша, чтобы сейчас же не начать рисовать... Декламировал и даже выступал в одном из симфонических концертов филармонии в Москве, в “Манфреде” Шумана... Восхищался Сальвини. Любил клоунов в цирке и в особенности Анатолия Дурова... Как-то раз позвал меня на сцену Большого театра и читал мне со сцены “Скупого рыцаря”» [Там же. С. 187–188].

Характерный для мемуаристики прием «зеркала» – сопоставление «Я-персонажа», от имени которого ведется повествование, с личностью, жизненным текстом Другого [8. С. 118], в данном случае – Шаляпина, на которого автор ориентируется в построении образа творца, – позволяет К.А. Коровину раскрыть правду о себе, о своих отношениях с другом, смоделировать свои эстетические представления о творчестве. Одним из важнейших для художника был вопрос об отношениях гения с окружающим его миром. Тема неприятия / непонимания таланта раскрывается в сценах столкновения Шаляпина с обывателями, которые ненавидели его за большие гонорары, за славу, за легкий, по их мнению, успех. «Хорошо ему, легко живется, споет – и пожалуйте деньги. Штука не хитрая. Правды-то нет! Голос и голос! Другое дело, может, нужней. Молчит и работает. А тот орет на всю Москву – “кто я?”» [Там же. С. 31].

Сам певец, столь органичный и убедительный в сценическом образе, в реальном общении с незнакомыми людьми терялся, начиная играть несвойственную ему роль. «Моими друзьями были охотники-крестьяне из соседних деревень – милейшие люди! Мне казалось, что Шаляпин впервые видит крестьян, – он не умел как-то с ними говорить, немножко их побаивался. А если и говорил, то всегда какую-то ерунду, которую они выслушивали с каким-то недоверием. Он точно роль играл – человека душа-нараспашку; все на кого-то жаловался, намекал на горькую участь крестьян, на их тяжелый труд, на их бедность. Часто вздыхал и подпирал щеку

кулаком. Друзья мои охотники слушали про все эти тяжкие невзгоды народа, но отвечали как-то невпопад и видимо скучали. Почему взял на себя Шаляпин обязанность радетеля о народе – было непонятно. Да и он сам чувствовал, что роль не удалась, и часто выдумывал вещи уже совсем несуразные» [8. С. 63].

Мемуарист не приукрашивает своего героя, отделяя маску от подлинного лица и показывая часто с юмором присущие ему слабости, при этом не высказывая ни упрека, ни порицания и избегая односторонности в своем изображении. Так, он вспоминает, что в годы Первой мировой войны Шаляпин устроил у себя в московском доме лазарет, любил беседовать с ранеными солдатами и учился у них деревенским песням. «Рассказами о любви к людям» назвал Коровин свои мемуарные произведения, и это в полной мере относится и к воспоминаниям о Шаляпине, в которых автор размышляет о безмерности и сложности русской натуры, о природе гения и его судьбе.

Композиционно книга мемуаров о Шаляпине делится на две части: первая, бо́льшая по объему, посвящена воспоминаниям о самом плодотворном периоде дружбы Коровина с Шаляпиным – с 1900 по 1921 г., отмеченном яркими художественными поисками и взаимообогащением их творчества; вторая, краткая и более трагичная, рассказывает о встречах в Париже, в ситуации эмиграции. Лишенный национальной почвы, Шаляпин «за границей чувствовал себя оторванным от родной страны, которую он очень любил» [Там же. С. 188], и для него встречи с другом были «возвращением» в навсегда потерянный и дорогой им русский мир. «Оно, конечно, хорошо, – есть и фунты, и доллары, и франки, а нет моей дорогой России и моих несравненных друзей. Эхма! – Сейчас опять еду на “золотые прииски” в Америке, а... толку-то!» – писал он Коровину в своем письме, включенном в текст воспоминаний [Там же. С. 150]. А при первой встрече в Париже художник отмечает те изменения, которые произошли с его другом в эмиграции: «Настроение было тяжелое. Я никогда не видал Шаляпина в России в столь мрачном настроении. Что-то непонятное было в его душе. Это так не сочеталось с обстановкой, роскошью, которой он

был окружен. <...> Странное впечатление произвел на меня Шаляпин за границей. В нем не осталось и следа бывшего веселья» [8. С. 152].

Эти изменения отразились и в творчестве, когда Шаляпин утратил естественную связь со своей прежней публикой: «В его исполнении была какая-то настойчивость, как бы приказание себя слушать и нескрываемое неудовольствие окружением. Он пел, подчеркивая свое великое мастерство. Это нервировало слушателя» [Там же. С. 157]. Коровин проецирует такое положение Шаляпина не только на свою судьбу, но и на участь любого русского творца, созидательная деятельность которого в искусстве может реализоваться только на русской, органичной для него почве. Потерянность, обреченность на безысходную тоску в настоящем побуждает автора мемуаров, рассказывая о жизни в Париже, все время обращаться к прошлому. «Итак, вспоминая нашу совместную жизнь там, далеко, в России, я еще резче ощутил – как печальна была наша теперешняя встреча с Шаляпиным. Все слышалось, как он сказал: “У меня здесь камень”, – и показал на грудь» [Там же. С. 184].

Таким образом, воспоминания К.А. Коровина рассказывают не только о жизнедеятельности Ф.И. Шаляпина, но и об общей судьбе русской творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в., пережившей массовый «исход», утрату национальной культурно-исторической почвы.

Особой убедительности в синтезе документального и художественного Коровину удастся достичь благодаря его уникальной импрессионистической творческой манере. Точный глаз художника и умение с ходу уловить основную линию портрета или главные детали изображаемой сцены позволяли зримо и ярко передать сущность раскрываемых характеров и ситуаций, зафиксировать мгновения жизни во всей их жизненной достоверности. Визуальная доминанта проявилась во внимании ко всему видимому, в умении художника-мемуариста яркими, сочными мазками рисовать, словно на холсте, картины, полные жизни: «Правда, веселая была улица. Деревянные дома в разноцветных вывесках, во флагах. Пестрая толпа народа. Ломовые, везущие мешки с овсом,

хлебом. Товары. Блестящие сбруи лошадей, разносчики с рыбой, баранками, пряниками. Пестрые, цветные платки женщин. А вдали – Волга. И за ней, громоздясь в гору, город Нижний Новгород. Горят купола церквей. На Волге – пароходы, барки... Какая бодрость и сила!» [8. С. 24].

Фиксация внимания мемуариста на незначительных и незаметных деталях, из которых и состоит жизнь во всех ее проявлениях, позволяет сделать вывод, что Коровин-писатель будто следует по пятам за Коровиным-художником, слово в слово записывая все то, что тот видел и чувствовал. Историк и критик балета В.Я. Светлов в 1932 г. писал о литературном даре автора воспоминаний: «Коровин не только художник краски. Он еще поэт и художник слова. Кто слышал его удивительные рассказы в дружеской беседе, тот никогда не забудет их юмора, их красочности, их непосредственной прелести, потому что, рассказывая, Коровин говорит так, как он пишет картины: он находит для рассказов оригинальные словесные краски, блики, штрихи, как находит их на своей палитре для картин. В последнее время он стал печатать эти рассказы, воспоминания, эпизоды своей многообразной жизни, и в этих литературных произведениях нет «литературы», в них неиссякаемым ключом бьет сама жизнь со всеми ее красками. Перед читателем возникают образы, пейзажи и сцены, как будто он видит их написанными на холсте в той же живой, блестящей, импрессионистической манере, которая является органической природой этого изумительного художника-поэта» [Там же].

Тот неиссякаемый артистизм, полнота восприятия радостей жизни, которые художник считал неизменными составляющими творческого процесса, в период эмиграции в полной мере воплотились в мемуарном творчестве К.А. Коровина. Опираясь на документальную основу, художник в своем повествовании расширял полисемантические возможности мемуарных текстов, синтезируя память и воображение, вымысел и факт, слово и изображение. В своих воспоминаниях о России, творчески воссоздавая краски, запахи, сцены прежней жизни, он вновь обретает себя, означивая собственные жизненные смыслы, утверждая творчество как подлинную стихию национального бытия.

Литература

1. Художник и критики (к 50-летию К.А. Коровина) // Русское слово. 1911. № 269. 23 нояб.
2. Зильберштейн И.С., Самков В.А. О Константине Коровине – писателе // Константин Коровин вспоминает. М. : Изобразительное искусство, 1990. 608 с.
3. Ответ на анкету «Как вы стали писателем?» // Иллюстрированная Россия. Париж, 1934. № 50.
4. Письмо К.А. Коровина к С.Ф. Дорожнинскому от 9 мая 1937 г. // Константин Коровин вспоминает. М. : Изобразительное искусство, 1990. 608 с.
5. Письмо А.Н. Бенуа И.С. Зильберштейну от 28 апреля – 5 мая 1959 г. // Александр Бенуа размышляет... / подг. Изд., вступ. ст. и коммент. И.С. Зильберштейна и А.Н. Савинова. М., 1968. 752 с.
6. Коровин К. Шаляпин. Встречи и совместная жизнь. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2012. 224 с.
7. Ницше Ф.В. Так говорил Заратустра. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм. М. : Юрайт. 2017. 314 с.
8. Демидова О.Р. Мемуарная и автодокументальная проза // Литература русского зарубежья (1920–1940) : учебник / отв. ред. Б.В. Аверин, Н.А. Карпов, С.Д. Титаренко. СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2013. 848 с.
9. Светлов [Ильченко] В. Пятидесятилетний юбилей К.А. Коровина. Письмо из Парижа // Сегодня. Рига, 1932. № 47. 16 февр.

The Synthesis of the Documentary and the Artistic in the Memoir Prose by K.A. Korovin (*Chaliapin. Meetings and Living Together*)

Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 20, pp. 23–34.

DOI: 10.17223/23062061/20/3

Tatyana L. Vorobyeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tatnik@mail.ru

Keywords: memoir text, concept of creativity, impressionistic style of writing.

The article focuses on the specificity of the memoir text by the famous Russian artist K.A. Korovin. When in emigration, far from his homeland, he turns to literary creativity and writes memoirs, stories and essays about the Russian past and his famous contemporaries: Chekhov, Levitan, Serov, Vrubel and Feodor Chaliapin, who was his friend for forty years. The memories of Chaliapin are born not only out of Korovin's nostalgic retrospectiveness, but also out of his desire to build an artistic model of reality, to recreate the concept of creativity and the creator's image that would epitomize the Russian elemental nature, close to the memoirist himself. Korovin uses genuine facts to shape his aesthetic ideas about creativity and culture as elements of life, emphasizing artistry, the depth of intuitive insight of the image, immense and ambivalent appearance of the person whose "miracles of art" embodied the "Dionysian" principle. With the help of a mirroring technique, the writer projects what he writes about on his own life,

his position of an émigré artist, whose creativity can be fully realized only on his native soil. Korovin shows Chaliapin as he is, highlighting his flaws with a bit of humor. However, he emphasizes the significance and tragedy of the greatest Russian singer to reflect on the immensity and complexity of the Russian character, on the nature of genius and his fate. High persuasiveness in the synthesis of the documentary and the artistic is achieved due to Korovin's unique impressionistic creative manner. His exact vision and ability to catch the main line of the portrait or the main detail of the depicted scene made it possible to visually and vividly convey the described characters and situations and capture the reliability of the past moments. Including visual imagery in the memoir narrative, K.A. Korovin expands the capabilities of the memoir text in achieving synthesis of memory and imagination, fact and fiction, words and images.

References

1. Anon. (1911) Khudozhnik i kritiki (K 50-letiyu K.A. Korovina) [Artist and Critics (To the 50th Anniversary of K.A. Korovin)]. *Russkoe slovo*. 23rd November.
2. Zilberstein, I.S. & Samkov, V.A. (1990) Konstantin Korovin – pisatel' [Konstantin Korovin – a writer]. In: Korovin, K.A. *Konstantin Korovin vspominaet* [Konstantin Korovin recalls]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
3. Anon. (1934) Otvet na anketu “Kak vy stali pisatelem?” [Response to the questionnaire “How did you become a writer?”]. *Ilyustrirovannaya Rossiya*. 50.
4. Korovin, K.A. (1937) Pis'mo K.A. Korovina k S.F. Dorozhinskomu ot 9 maya 1937 g. [Letter from K.A. Korovin to S.F. Dorozhinsky on May 9, 1937]. In: Korovin, K.A. *Konstantin Korovin vspominaet* [Konstantin Korovin recalls]. Moscow: Izobrazitel'noe iskusstvo.
5. Benois, A.N. (1968) Pis'mo A.N. Benois I.S. Zil'bershteynu ot 28 aprelya – 5 maya 1959 g. [Letter from A.N. Benois to I.S. Zilberstein, April 28 – May 5, 1959]. In: Benois, A.N. *Aleksandr Benois razmyshlyaet...* [Alexandre Benois reflects]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
6. Korovin, K.A. (2012) *Shalyapin. Vstrechi i sovместnaya zhizn'* [Chaliapin. Meetings and living together]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
7. Nietzsche, F.W. (2017) *Tak govoril Zarathustra. Rozhdenie tragedii, ili Ellinstvo i pessimizm* [Thus spoke Zarathustra. The Birth of Tragedy, or Hellenism and pessimism]. Translated from German. Moscow: Yurayt.
8. Demidova, O.R. (2013) Memuarnaya i avtodokumentalnaya proza [M memoir and autodocumentary prose]. In: Averin, B.V., Karpov, N.A. & Titarenko, S.D. (eds) *Literatura russkogo zarubezh'ya (1920–1940)* [Literature of the Russian diaspora (1920–1940)]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
9. Svetlov, V. (1932) Pyatidesyatiletniy yubiley K.A. Korovina. Pis'mo iz Parizha [K.A. Korovin's Semicentenary. A Letter from Paris]. *Segodnya (Riga)*. 16th February.